

Третий этап

Берлин, 18 сентября.
Фашизм живет — это должны признать не только его друзья, но и враги; он живет и мѣняется, мѣняется не стихийнымъ непредвидимымъ процессомъ, а совершая определенный, целесообразный и преднамѣченный путь. Путь этотъ преднамѣчен, т. е. осуществляется сознательно, оповѣщается о немъ вслухъ. Онъ целесообразен, т. е. преслѣдуетъ и достигаетъ цѣли, заложеныя въ фашизмъ и необходимые для его всенароднаго утверждения. Можно ему сочувствовать или его ненавидѣть, — по этому отрицать за нимъ не приходится.

Въ этомъ одно изъ многихъ его отличій отъ положенія большевистской партіи въ совѣтскомъ строѣ — несмотря на вѣднее сходство общепартійной диктатуры. Большевистская диктатура укрывается за широкой совѣтскихъ учреждений и потому она лжива; она мѣняется въ тайникахъ партійныхъ комитетовъ, интригъ, обходовъ и подсыжаний — и потому не развивается, а вырождается даже въ своей собственной идѣе. Диктатура центрального комитета, политбюро, аппарата — все это существенно различно; но если есть въ этихъ скрытыхъ превороніяхъ, единая линия, то развѣ линия самоотставанія противъ народа, а не — его организаціи. Хорошо ли или худо — фашизмъ сознательно, открыто и послѣдовательно организуетъ государство согласно своей идѣе.

Сейчасъ провозглашенъ третій этапъ фашистской эволюціи и проводится онъ явно и рѣшительно. Первымъ этапомъ было образование въ предѣлахъ государства — противъ государства — своеобразной партіи, политической организаціи особаго типа, всѣми средствами, въ томъ числѣ и насиліемъ, борющейся за свои задачи и за власть.

Вторымъ этапомъ — было насильственное, хотя и легкое овладѣніе властью. Овладѣвъ властью въ старомъ и отрицаемомъ имъ государствѣ, фашизмъ сталъ его передѣлывать по своимъ идеямъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ по своему образу.

На этомъ этапѣ и проявляется вѣднее формальное сходство совѣтскаго и фашистскаго строя. И тутъ и тамъ мы имѣемъ организацію, безраздѣльно господствующую въ государствѣ и все же отъ государства отличную. Отсюда параллелизмъ органовъ государственныхъ и партійныхъ, причѣмъ партій-

ИХЪ СУДЬ

24 августа во всѣхъ сов. газетахъ (запечатъ по приказу) появилась обширная выдержка изъ обвинительнаго заключенія по дѣлу завода «Красный Профинтернъ», «фабрики фальсификаціи». Процессъ долженъ былъ начаться 1 сентября въ Бѣжинѣ.

Суду было предано 23 спецнаста, инженеры Фанбуловъ, Андреевъ, Григорьевъ, Васильевъ, б. директоръ «Кр. Профинтерна» Портенко и др. Одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ Абалдуевъ умеръ въ тюрьмѣ. Обвинялись они въ томъ, что, желая высунуться передъ начальствомъ и якобы выполнить на 100 % всю программу, на дѣлѣ готовили, и сдавали Наркомату путемъ сообщенія бракъ: вагоны и паровозы не годными осями и проч. Для этого они завели поддѣльные образцы, поддѣльные клейма о црѣмкѣ, замазывали трещины, все фальсифицировали. «Вы мнѣ пудовъ больше, пудовъ!» — говорилъ техническій директоръ Алексѣевъ. Такая дѣятельность «вредителей», разоблаченная въ концѣ концовъ «рабочими», принесла заводу убытокъ въ 4.000.000 р. Изъ-за «работы» завода «Красный Профинтернъ» былъ даже случай желѣзнодорожнаго крушенія.

«Красный Профинтернъ» — это псевдонимъ. Подъ этимъ именемъ скрывается знаменитый въ исторіи русской промышленности «Брянскій паровозо-вагоностроительный, сельско-хозяйственный и механический заводъ». На немъ и теперь работаетъ до 14.000 рабочихъ. 1-го сентября ставилось, такимъ образомъ новое огромное «шахтинское» дѣло.

«Преступленія на Брянскомъ заводѣ» писали 24 авг. «Извѣстія» — надо квалифицировать, какъ вопиющую умысленную безхозяйственность, какъ преднамѣренную

трату колоссальныхъ государственныхъ средствъ, какъ подрывъ нашего хозяйства и абсолютное игнорированіе интересовъ социалистическаго производства».

Суду предано было 23 человѣка, но въ тюрьмахъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сидѣло несчастныхъ брянскихъ спесовъ во много разъ больше.

Приѣхали корреспонденты и по дорогѣ заглянули въ Брянскъ: какъ съ процессомъ? «А въ области, въ округѣ, въ районѣ, на заводѣ — пишутъ «Извѣстія» уже 4 сентября — разводили руками:

— Ничего не знаемъ! Этакая неожиданность!»

Знаютъ по всѣмъ учрежденіямъ. Нигдѣ ничего не знаютъ и совѣтуютъ считать центральныя газеты». Процессъ пѣтъ какъ пѣтъ, Политическій руководитель округа телеграфно даетъ директиву на мѣсто: «Второго сентября Бѣжинъ судебный процессъ, срочно проводитъ подготовку.»

«Маловато — вздохнули въ округѣ и дали директиву: проработывать! — какъ? — Какъ вредительство?»

Къ счастью, приѣхали журналисты: Какъ вредительство! Совесть другіе выводы надо дѣлать... Такие, что надо бороться за искривленіе старыхъ капиталистическихъ методовъ хозяйствованія, что надо перевести спецнастовъ изъ періода восстановительнаго въ реконструктивный...

Проходить 2-ое сентября. Нѣтъ суда. Знаютъ по междугородному телефону въ Наркоматъ Юстиціи. Отвѣчаютъ: «процессъ начнется или 3 сентября или черезъ недѣлю.» 6-го сентября процессъ еще не начинался. Все еще не было рѣшено, какъ его ставить, какъ шахтинское «вредитель-

ные предрѣшаютъ рѣшенія государственныхъ, а слѣд., дѣлаютъ ихъ либо ненужными, либо условными, либо бессильными. Государство покорно повторяетъ жесты партіи и, следовательно, просто рискуетъ стать ея орудіемъ или ширмой для нея.

Выходъ изъ этого неустойчиваго положенія фашизмъ и большевизмъ нашли различный. Собственно, большевизмъ и вообще никакого выхода не нашелъ, а въ этой неустойчивости и утвердился. Совѣтскія учрежденія сохраняются, какъ бессильные, безпомощные органы, параллельные коммунистическимъ, какъ ихъ ширмы. Отсюда органическое безсиліе этой мнимой государственной организаціи, органическаго ея лживости, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющійся подпольный характеръ подлинной правительственной работы и организаціи большевизма.

По другому пути пошелъ фашизмъ. Овладѣвъ властью, онъ дѣйствительно сломалъ старое государство, реорганизовалъ его согласно своимъ замысламъ,

оставшая въ немъ самостоятельной, выдѣленной, рѣшающей организаціей. Но создавая государство по своимъ идеямъ, фашистская партія становится въ немъ излишней, какъ его самодовольная распорядительница. Диктатура фашистской партіи имѣла смыслъ въ «парламентарномъ» государствѣ, чтобы его сломать и создать «фашистское». Но въ государствѣ, соотвѣтствующемъ идеямъ фашизма, становится излишнимъ особая всемогущая организація, представляющая ихъ. Когда государство становится фашистскимъ, теряетъ значеніе фашистская партія, теряетъ смыслъ и ея диктатура.

Къ свертыванію фашистской партіи въ окрѣпшемъ фашистскомъ государствѣ и приступилъ Муссолини — въ этомъ и заключается его третій этапъ. Вѣсто коммунистической лжи въ совѣтскомъ безсиліи — мы имѣемъ послѣдовательно хрипящую государственный организмъ. Это должны признать даже и враги фашизма.

ство» или же какъ «переводъ съ изъ періода восстановительнаго структурный...»

Если изъ намѣренно запутанности болтовни корреспондента извлечь содержание, то выйдетъ что.

Когда года полтора тому въ Брянскомъ заводѣ арестовали спецнастовъ, «поползъ гулы, рѣчь: шахтинскіи вредители!» заводъ полтора года. Полтора летъ его лихорадка подозрительна, пеловѣрия».

Результаты не замедлили «Создалась сложная система вѣтокъ. Вѣсто работы появились брака. Каждый прятался за формулу за чужое мѣшине... Застонали на хотъ работу останавливай!»

Вотъ все это время судебныя ния власти колебались: какъ судъ вредителей или какъ что-то. До сихъ поръ толкомъ не рѣшили и процессъ откладывали. «Еще на «политическихъ выводовъ» респондентъ негодуетъ на Наркомату не до этого. Ему вѣхаетъ, отсидѣть, отсудить!»

Жалоба, конечно, несправедливости» самъ растерявъ не жеруководителей». Онъ тоже не знаетъ судить и ждѣтъ «директивы»

26 августа «Наркомостъ» предълицъ свою реформу полного правосудія. Правда, пока вѣдья опыта» въ нѣкоторыхъ «судательныхъ округахъ». Въ градѣ всѣ уголовныя дѣла, кромѣ преступленія, по которымъ полагана казнь, изъ вѣденія окружныхъ передаются въ народный судъ. Встойкій судъ можетъ, буде «принять къ своему разсмотрѣнію» (такъ буквально и сказано въ законѣ) и гражданское дѣло. Но обжалованіе запрещено по дѣламъ говорамъ о лишеніи свободы на свыше трехъ мѣсяцевъ. Гдѣ нѣ принята, тамъ вѣлѣно «не допускъ стивательнѣ сторонъ», не вызывая проч. Для рабочихъ по дѣламъ ной плавъ сдѣланы исключенія.

Новый декретъ, конечно, еще не лигъ существующій провозвалъ. Судья еще безграмотнѣе и заивающіе члены окружныхъ судовъ. Но тавъ велика разниа? Никакого суда было въ СССР. Была и «есть рабочіи надъ другими, ничего епѣмбующа ни съ закономъ, ни съ нъ съ справедливостію. Захватѣтъ киде и осудитъ брянскихъ спецнастовъ «шахтинскихъ вредителей» на Будетъ сталинскій Малого въ нѣ положеніи духа, судья ограниченныя заключеніемъ для переводъ «изъ періода восстановительнаго структурный».

Сидятъ совѣтскіе судьи и жеруективъ...» А. С.

ИЗЪ ПРОШЛАГО *)

Передъ лондонской конференціей 1908 г. мнѣ пришлось, по порученію тов. министра иностранныхъ дѣлъ Чарькова, побывать въ Парижѣ и Берлинѣ. Во время моего пребыванія по Франціи французское правительство получило отъ британскаго министерства иностранныхъ дѣлъ доверительную ноту, съ просьбой высказаться по одному изъ пунктовъ программы конференціи. Я не могу вспомнить, о чемъ именно шла рѣчь въ этомъ пунктѣ, но тогда онъ казался намъ весьма важнымъ. Лун Рено отвѣтилъ на эту ноту въ смыслѣ отрицательномъ, и это вполнѣ совпадало съ нашимъ отношеніемъ къ вопросу. Рено далъ мнѣ копію своего отвѣта, просилъ позаботиться, чтобы отвѣты Берлина и Петербурга составлены были въ томъ же смыслѣ.

Повидавшему въ Берлинѣ съ тайнымъ содѣйствіемъ Крнге, я узналъ, что и здѣсь доверительная нота изъ Лондона уже получена, и что и онъ отвѣтилъ также отрицательно. Имѣя въ карманѣ копію обоихъ отвѣтовъ, я съѣлъ въ нордкэспрессѣ съ глубокой увѣренностью, что черезъ два дня русское правительство съ своей стороны присоединится къ отвѣтамъ Франціи и Германіи, что предположеніе, сдѣланное Англией, для насъ неприемлемое, будетъ снято съ повѣстки.

Мои надежды оказались, однако, обманутыми. Изъ величайшему моему удивленію, юриконсултѣ перваго департамента ми-

нистерства, бар. Нольде, которому тоже предстояло отправиться на лондонскую конференцію, сообщилъ мнѣ, что, по приказу Чарькова, отвѣтъ на англійскую ноту уже послѣдовалъ и притомъ въ положительномъ, т. е. противоположномъ тѣмъ обвиняемымъ, которыя я приваля на себя въ Парижѣ и Берлинѣ отъ имени русскаго правительства.

Доложивъ Чарькову о результатахъ моей побывки въ Берлинѣ и Парижѣ я затѣмъ прибавилъ:

— Николай Валеріевичъ, съ большимъ удивленіемъ я узналъ отъ Нольде, что вы уже послали отвѣтъ на послѣднюю англійскую ноту. Почему вы не подождали 24 часа, чтобы узнать, что я вамъ сообщу изъ Парижа и Берлина, куда я побѣхалъ по вашему же порученію.

Чарьковъ отвѣтилъ мнѣ въ самомъ дружескомъ тонѣ:

— Да, милый баронъ, я отвѣтилъ на эту ноту, не выждавъ вашего возвращенія, потому, что она казалась мнѣ очень спѣшной и я хотѣлъ такимъ способомъ подчеркнуть наше согласіе съ англійскимъ предложеніемъ.

— Мнѣ приходится вдвойнѣ пожалѣть объ этомъ, потому, что я только что услышалъ съ Рено и Крнге, что и наше отношеніе будетъ отрицательнымъ.

Со всѣми деталями, которыя товарищъ министра такъ любилъ,**) я изложилъ осно-

ванія принятаго въ Парижѣ и Берлинѣ рѣшенія и прибавилъ, что весь этотъ инцидентъ для меня чрезвычайно неприятенъ даже и съ личной точки зрѣнія.

— Я имѣю въ виду мое личное весьма неудобное положеніе въ этомъ инцидентѣ. Такъ какъ раньше или позже все тайное становится явнымъ, то станетъ также извѣстнымъ, что Петербургъ далъ положительный отвѣтъ на доверительный запросъ британскаго правительства. Въ Парижѣ и въ Берлинѣ никто не поверитъ, что тутъ простое недоразумѣніе, а не дѣйствительное поведеніе съ моей стороны, которое будетъ совершенно непонятнымъ въ виду того, что въ Парижѣ моя миссія была официозной, если не официальной.

— И однако, это такъ и есть.

— Да, это вѣрно, но это невѣроятно, какъ любить говорить намъ начальникъ Извольскій. Во всякомъ случаѣ мое отношеніе къ французскому и германскому коллегамъ стали столь неудобны, что дальшее участіе въ этой работѣ я не могу. Поэтому настоячиво прошу васъ освободить меня отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, если мы не найдемъ возможность дать удовлетворенія Парижу и Берлину.

— Да, я вижу, что это очень неудачно и очень неприятно, но это моя вина, — прибавилъ Чарьковъ со свойственной ему прямотой, — я беру на себя ликвидировать всѣ неприятныя послѣдствія. Надѣюсь, что это не поздно сдѣлать. Зайдите, пожалуйста, ко мнѣ завтра въ это же время. Если ничего не прибавилъ къ этимъ довольно затвердымъ словамъ, по черезъ 24 часа все разъяснилось столь же неожиданно, какъимъ былъ и самый инцидентъ. На другой день зайдя къ Чарькову, я увидѣлъ его сияющимъ отъ удовольствія.

— Ну вотъ вамъ моя нота, — сказалъ

онъ и подалъ мнѣ официальное нѣлѣйскому послу. На письмѣ уже было штемпель англійскаго вѣлѣ Мнѣ вернули это письмо, какъ блулучное.

— Но какъ же вы устроили, Илеріевичъ, чтобы получить этого? обратно?

— Очень просто. Я сказалъ, я было. Въ концѣ концовъ вѣдъ не понятно: Васъ не было, я хотѣлъ знать, какъ можно скорѣе. Нота была сдана безъ словенія съ вами. Тевернулись и выяснилось, что отвѣтъ неправильный.

Замѣтивъ мое удивленіе, онъ мѣ сказалъ:

— Что же, милый баронъ, вы между коллегами это бываете!

Этотъ разговоръ произвелъ накое впечатлѣніе, что я рѣшилъ отъ отвѣта локкій кунестюкъ способоѣвѣтствующимъ бюрократическимъ Чарькова. А именно: я оставилъ не его ноты почти неизмѣннымъ выраженнымъ принципиальнымъ мѣнѣе, которое содержало рѣшительныхъ ограниченій и абсолютнаго существова закатывающаго отрицательнаго въ началѣ согласія. Сказъ разубѣдится что сакраментальная формула тоже осталась ной: прому васъ господнѣе мостъ нять увѣреніе и т. д.

— Но вѣдь это верхъ совершеннаго великоштію, заявилъ Чарьковъ, съ въ ея новой редакціи.

— Въ сущности мой текстъ остался неизмѣннымъ. Благодаря моему длу!

Торжествуя, онъ послѣднѣе сдѣлать эту ноту англійскому послѣ

*) Отрывокъ изъ книги бар. М. А. Таубе «Русская довоенная политика и конецъ имперіи 1901-17», выходящей на-дняхъ въ немецкомъ языкѣ въ издательствѣ Georg Neuner.

**) Нашъ посоль въ Берлинѣ, графъ Шуцаловъ, при которомъ Чарьковъ служилъ, говорилъ о немъ: «Чарьковъ любитъ мухъ канотеръ ставить.»

